

— Рассчитывали ли вы на такой успех книги о Николае, и почему начался он на Западе, а не в России?

— Книгу эту я писал не для России и не для Запада, а исключительно для себя. Мне нужно было поменять профессию. В сущности, наверное, я все-таки не драматург. Занимался драматургией, потому что это была единственная возможность быть услышанным. Если бы я писал романы про Лунина, Сенеку, Сократа, то мог бы смело складывать их в стол. Я был нужен только театрам, потому что актеры хотели играть, а режиссеры — состязаться друг с другом: кому разрешат это поставить, а кому нет. Соревнование — вот на чем держался советский театр. Когда Юрий Любимов показывал кукиш советской власти, остальные стремились его в этом переплюнуть. Они все заводили друг друга.

Меня не было — я был псевдонимом знаменитых актеров и режиссеров. Я скрывался трижды: за театром, авторами спектакля и известными историческими персонажами. Но становилось все скучнее. И вот я встретился с человеком, который мне очень понравился. Понравилось, что у него есть семья — у меня семьи не было; что он хочет быть добрым, а не может; что с ним случилось такое странное обстоятельство: он должен править огромной страной — и не готов, но нужно. Мне было интересно читать его дневник, я понимал каждое его душевное движение, его ужасающее, несмотря на обожаемую им семью, одиночество: Царьград у него на глазах превращался в Манчестер, а он и его близкие все больше становились пережитком. Я был счастлив, оттого что первый раз в XX веке среди правителей России нашел порядочного человека.

Через историю о Николае хотелось понять, что же случилось с этой страной, почему она обезумела, почему святая Русь уничтожила церкви, а мужики, которые вчера поклонялись царю, сдунули его, «как пушинку с рукава», — так написал тогдашний журналист. Я понимал, что это что-то означает. И не ошибся: в 1991 году сказали, что большевики — это зло, и вся страна, носившая партбилеты, на следующий день про них забыла.

Когда я начинал книгу, она была исторической, когда я ее закончил, она стала современной, потому что Россия вернулась в 1917 год. Тот же выбор: капитализм или что-то иное; то же крушение авторитарной монархии (монархия у нас никогда не прекращалась: Владимир Первый и Иосиф Первый были истинными царями, в автократии заключалась сила большевиков). Так же пришли будто бы демократические власти, от которых поначалу многого ждали... Но все почему-то быстро превратилось в хаос. Мы говорили: ах, они ничего не умеют. Но те, кто пришел после Николая, умели. Пришли князь Львов, Милоков, Терещенко. Они пришли на смену авторитарному режиму, и все-таки в несколько месяцев страна погрузилась в безвластие и нищету.

— Вы знаете почему?

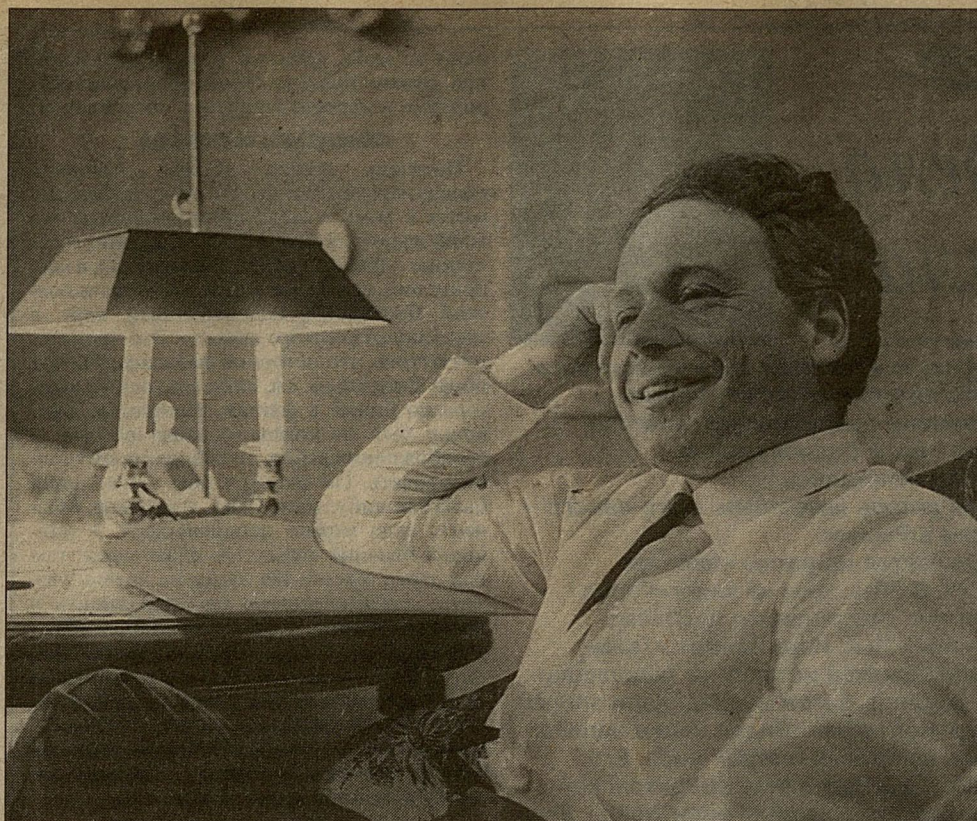
— На этот вопрос я постараюсь ответить в своей следующей книге — о Сталине. Это очень важный вопрос — почему.

Моя книга не о Николае-политике. Это книга о правителе, несчастном правителе, которого страна убила, не дав ему последнего слова. Смерть является очень важной частью биографии правителя. Трагедия большевистских лидеров: когда наступил для них момент смерти, они не сумели эту часть своей политической биографии провести достойно. Конечно, на то были объективные причины. Конечно! Нет, не пытки. Ни Каменев, ни Зиновьев, ни Бухарин, к примеру, не подвергались физическим пыткам, только нравственным (об этом говорят новые документы). Но они согласились умереть недостойно, взяв на себя несуществующие вины и заставив будущих историков ломать головы над тем, почему же они так поступили. Ведь умирали с криком: «Да здравствует Сталин!», как многие большевики, понимая при этом, что речь идет об убийце идей, ради которых ты жил...

Николай же, отнюдь не будучи испытанным революционером, эту часть биографии политика — смерть — проживает удивительно. Что делать, марксизм-ленинизм не помогает человеку в испытании, которое называется смертью. А религия помогает. Николай велик в смерти, и последние его слова действительно были: «Господи, прости им, они не ведают, что творят».

— Случайно ли ваше стремление рассказать о нравственном благородстве Николая совпало с нынешней тенденцией культа царской семьи в общественном сознании?

— Канонизировал эту семью не кто иной, как Ленин. Когда он принял решение об убийстве семьи, он сделал ее бессмертной. А ведь ему гораздо выгоднее было оставить царя в живых, белые сами не знали, что с ним делать. Наступавшие белочи восстанавливали не царскую власть, а власть Учредительного собрания. Ленин хотел этим кровавым преступлением «встряхнуть ряды», сплотить

Возвращение

Эдвард Радзинский всегда был баловнем судьбы. Когда смолodu стал едва ли не самым знаменитым отечественным драматургом благодаря пьесе «104 страницы про любовь», и лучшие актрисы играли в ней свои лучшие роли, и поклонницы со всего Союза слали ему письма, а поклонницы со всей Москвы караулили его у театров. Когда в душное, лживое время его пьесы о Сократе, Луние, Нероне и Сенеке имели не меньший успех, только уже среди интеллектуалов. Наконец, сегодня, когда прославиться театральному человеку почти невозможно, Радзинский опять добивается успеха. Его книга о Николае Романове «Господи... спаси и умири Россию» покорила Америку, Европу и пришла наконец к российскому читателю, став и здесь бестселлером. Она включена в «топ-лист» — десятку лучших новинок сезона, и, как заметил Лев Аннинский, «это первый российский автор, залетевший так высоко». За столь радужной канвой успеха стоит много горького, несправедливого и даже трагического (об этом Радзинский заворачивающе, как все, что он делает, рассказал в своих телепередачах «Театральный роман»). В семидесятые не было на театре человека свободнее Радзинского, как, пожалуй, нет и сейчас. Он умеет слышать судьбу — или кого-то, кто сам выбирает себе собеседников. С Эдвардом РАДЗИНСКИМ беседует обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА.

партию, породить ужас мира перед решимостью этой партии. Но и здесь он просчитался: мир не содрогнулся, в то время мир эту казнь просто не заметил. Не заметила ее и Россия — в голодных очередях не об этом говорили люди. На Западе об убийстве царской семьи весьма странно написал Бернард Шоу — с гадким юмором, сарказмом. Что делать, он был либералом.

Странно, что умнейший человек Ленин не понял то, что пропасть лет назад поняла родственница царицы Мария Стюарт, написавшая: «В моем конце — мое начало». Не понял, что этим чудовищным убийством было создано будущее новое знамя. Россия — страна, любящая страдальцев, и русский школьник с детства учит: «Дело прочно, когда под ним струится кровь».

Еще одно неоспоримое преимущество семьи и еще одна причина популярности, на этот раз простая: лица. У всех у них поразительно красивые, одухотворенные лица, на которые хочется бесконечно смотреть. Мы так истосковались по красивым лицам, ведь за ними пришли правители совсем с другой внешностью. Как писал поэт: «И каждый день приносит тупо, так что и вправду не верю, фотографии группы одних свиноподобных рож». Большевики решили заменить личное общественным, историю семьи — историей партии. А история последнего царя — это прежде всего его семья. Семья, где все преданно любили друг друга и во многом из-за этого все и погибли. Семья — как малая церковь, созданная любовью. Но внутри любой страны невозможно убить семейную традицию. Торжество семейной истории — еще одна причина нынешней популярности царя.

И, наконец, это была религиознейшая семья, что совпало с возвращением в Россию религии. Впрочем, где-то внутри и семья, и церковь никогда не умирали в народном соз-

нании. «Так храм оставленный — все храм». И вот эта семья возвращается к нам — вместе с семьей и Церковью.

И то, что крушение режима почти что совпало с тысячелетием христианства, конечно, не случайно. Власть внезапно осыпалась, власть, казавшаяся вечной как египетские пирамиды, и это действительно было похоже на чудо. Возвращается религиозное сознание, и, может быть, только это одно спасает страну от ужаса гражданской войны. Без религии страна просто распадется на множество территорий. Впрочем, я давно зарекаюсь говорить о будущем. Россия ныне непредсказуемая страна. Она доказала это в последние несколько лет. «Куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа».

Наша нынешняя трагедия в том, что страна хотела покаяния, но наше покаяние — это было покаяние со злобой. И недаром знаменитый фильм с таким названием рассказывает о выброшенном из могилы покойнике. Мы не сумели преодолеть в себе ярость, воспитанную годами, все эти подсознательные «если враг не сдастся — его уничтожают», и мы калялись, а на самом деле искали врагов. И боролись, боролись, боролись...

Покаяния не произошло — мы так и не нашли главное слово. Его слово — любовь. «Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря, и скитаться от севера к востоку, ища слово Господне, и не найдут его». Эти слова читала царица своей дочери в последний день их жизни.

Да, покаяния не произошло, и страна вступила в новый период. Подросли ребята, они быстро научились торговать, поехали за границу, они знают, что все — чепуха, и снова «улица корчится безъязыкая». Кто-то из героев Леонида Андреева произнес страшную

фразу: «Стрелять в низкий лоб». Низкий лоб — символ толпы, середины, антиинтеллекта. К сожалению, теперь я часто вспоминаю эту фразу.

— Вам никогда не хотелось уехать из России?

— А почему я должен из нее уезжать? Я ее люблю. Здесь живут люди, с которыми мне интересно. Впрочем, теперь их все меньше. Интеллигенция стала нищей: из самого обделенного свободой, но престижного класса она спустилась на самый низ социальной лестницы. Понятия «профессор», «писатель» вытесняются, как на Западе, более уважаемыми и нужными «адвокат», «врач». Интеллигенция должна была возглавить процесс перемен, а она не только его не возглавила, но даже отношения к нему почти не имеет. Вот это и оказалось для страны трагическим. Сильная интеллигенция, так много выстрадавшая и сохранившая порядочность в условиях рабства, в условиях свободы превратилась в самую невлиятельную и никому не опасную структуру.

— А какие перемены, по-вашему, произошли с театром?

— Театр — это искусство времен тоталитаризма, именно тогда он расцветает, потому что заменяет всю общественную жизнь. Наш театр был не столько искусством, сколько властителем дум. И когда время предложило театру стать искусством, одни попытались совместить несовместимое, а другие попросту умерли, исчезли. Сейчас с театром происходит неизбежное: он занимает положенное ему в рыночной стране место, и это место, естественно, не в первых рядах рыночной жизни. Театр будет зависеть от того, сколь театрален окажется правящий класс, его субсидирующий. А нынешний правящий класс молодой, он воспитывался в отдалении от театра. Еще недавно эта молодежь просто не имела возможности туда попасть. И все-таки театр останется, ибо истинный театр двигают, к счастью, во всем мире не люди разумные, а люди неразумные. Прекрасные безумцы! Одни будут приезжать на любимые спектакли из самых далеких районов, другие — играть на сцене за мизерную плату и ставить пьесы для ста человек. А милые нашему сердцу гиганты, театры-мастодонты, не могущие жить без поддержки правительства, в большинстве просто вымрут, как и положено гигантам. К счастью для них, у нас как всегда наполовину: немножко рынок, немножко миф.

Москва живет якобы весело, а в сущности довольно однообразно и скучно. И оттого, что теперь ночью можно всласть поиграть в казино и даже потанцевать вместо сна, веселее не становится. Но я надеюсь, что развлечения в ней будут побольше, телевидение купит еще много хороших американских фильмов, а с театром останутся одни настоящие люди — люди, которые не могут без него жить.

— Почему вы перестали писать о женщинах?

— Может быть, потому что давно не было неудачных романов.

— Есть у вас новые пьесы?

— Конечно, есть. Например пьеса «Последний день последнего царя». Мне кажется, я уже достаточно дал и публике, и критике от себя отдохнуть. Но ведь помните, как беспощадно ругала меня критика за мою последнюю пьесу — какой был прекрасный скандал. По-моему, довольно давно не было в Москве театральных скандалов. Есть у меня еще четыре новые пьесы — я ведь графоман. И может быть, вскоре...

ЖУРНАЛ
«ЕСЛИ»

— это
просто
фантастика!

тел. распространения:
209-17-07

УТОЧНЕНИЕ

В материале Ильи Дадашидзе «Я ни в малой степени не чувствую себя женой преступника» (№ 46) приведено написанное Борисом Пастернаком прошение Нины Табидзе на имя Берия. Документ взят из статьи «Вечности заложник», подготовленной к печати во втором выпуске альманаха «Золотое руно». Считаю нужным уточнить, что публикаторами документа являются доктор филологических наук Филина и кандидат филологических наук Касиашвили.

Александр ЭБАНОВИДЗЕ,
главный редактор альманаха «Золотое руно»

1991 г.
Радзинский Эдвард